

Топи... Сериал – источник размышления

Спасибо Дмитрию Николаевичу Верхотурову за «наколку» на фильм «Топи». Сам за рекламой не слежу, современных фильмов не смотрю. Но раз Верхотуров советует – смотреть явно стоит.

Сам фильм скорее разочаровал – довольно заурядная попытка сделать «фильм ужасов», да чтобы на российском материале, да чтоб не хуже голливудского. Попытка не удалась – фильм не страшный, растянутый. По крайней мере первым 5 сериям далеко до «Семьи вурдалака» или «Вия».

Да и герои не особенно приятные. Молодежь я знаю и люблю, но ведь мои и дети, и ученики – совершенно другие. Дмитрий Николаевич, на мой взгляд, ученик, иметь которого – одно удовольствие. В том числе потому, что у него можно еще и учиться. У странноватых героев сериала учиться нечему.

И нравственно они...не особенно совершенны. Хорошо помню эмоции Дмитрия Николаевича в древние времена, когда он узнал – были случаи, когда пошедшие в лес туристы оставляли раненого или потерявшегося товарища. Такая реакция кажется мне естественной и от поколения не зависящей. Помню и собственный ужас, лет в 14, когда узнал о таком.

А герои сериала и не пытаются искать исчезнувшего водителя. Пропал – и пропал, у них свои дела и заботы. Исключение – веселая бойкая шлюшка Лена. Но когда она тоже исчезает, главный герой готов преспокойно оставить ее и заняться собою в Москве.

В общем, такого сына я иметь бы не хотел. От людей, которые дальше меня от обезьяны на целое поколение, ждешь большего. Если этот самый Денис типичен, если и правда такая «молодежь пошла» – не завидую этому миру. Плохо дело.

А без симпатичного героя – какой же фильм, роман и сериал?

Но Дмитрий Николаевич – глаз алмаз! – заметил в фильме интересную тенденцию. Это – восприятие городским человеком деревни. Возможно, Верхотуров прав – дело в том, что на наших глазах умерла русская деревня. Доумирала.

Сложилось впечатление, что этот факт для Дмитрия Николаевича – событие трагическое. Если это так – не разделяю.

Деревня и правда умерла

Впрочем, чаще всего смерть патриархальной, традиционной деревни воспринимали именно как трагедию. Примеры есть, потому что явление сие вовсе не «чисто российское». И не только сегодняшнего дня. В Британии деревня умирала в XVIII столетии – промышленный переворот. Народ хлынул в новые центры промышленности с такой силой, что появилось даже понятие «гнилого местечка»: округ или городок имеет право выставлять депутатов в Палату Общин – а люди то и исчезли. В городке Гаттон, что в графстве Суррей, осталось 7 (семеро) жителей, имевших право голоса, но эти семеро посылали в парламент 2 депутатов. Избирательный голос в Англии стал капиталом, который не так трудно было превратить в живые денежки, фунты и шиллинги.

Образованный слой очень нервно переживал гибель крестьянства и деревни. Знаменитый Адам Смит произнес: «Мне жалко людей, которые когда-то назывались английскими йоменри». Йоменри, йомены – самодостаточное среднее крестьянство. К 1780-м годам оно в Англии умерло.

В континентальной Европе деревня начала умирать после Первой мировой войны. Лично видел француза, который в 1990-е приезжал в Россию специально, чтобы... послушать петухов. Петухов, под крики которых он просыпался в золотом невозвратном детстве в деревне в Провансе. Теперь его бабушки и дедушки давно нет на свете, а сам он жить в деревне «почему-то» не хочет. Я его спросил: ну, жил бы в доме бабушки и дедушки, разводил бы кур и петухов... Дом то, рассказывает, каменный, стоит с XVII века – и еще столько же простоит.

Француз бледно улыбнулся и сообщил: лучше он приедет в Россию. Ну, в 1990-е он еще мог послушать петушиные вопли на рассвете, хотя владельцы сих петухов уже тогда были чаще всего отнюдь не молоды. Сейчас ему за петушиным ором придется ехать, вероятно, в Индию или в Центральную Африку – и пусть поторопится, скоро и там деревни не станет.

В СССР деревню искусственно «подморозили», она дожила до «катастрофы» 1990-х. И почил в бозе, – как везде.

Мы теперь – такой же народ, как все европейские народы. Все они ностальгируют по временам, когда у них были империи. И у нас теперь много любителей поскулить о временах СССР. Все скорбят о смерти земледельческого слоя – и мы скорбим и тоскуем.

Почему не вижу трагедии

Деревня умерла, и это скорее хорошо, чем плохо.

Судите сами – вот в 1900 году жили 10 тысяч крестьян. Пахали на лошадях, жили в деревянных домах с резными наличниками, любили детей и животных. Преступность практически на нуле, взаимопомощь, поддержка стариков, коллективизм... Идиллия? Хм... Крестьянская жизнь – это обреченность всех мужчин на повседневный и тяжелый ручной труд. Всех женщин – на рождение детей каждый год и – тоже на очень тяжелый физический – домашний труд. Таскать воду и рубить дрова, между прочим, в традиционной деревне – работа женская.

Лично был знаком с деревенской женщиной, которая не помнила сколько детей родила. То ли 18, то ли 20... «А может, поболее». Живых взрослых детей у нее было 2 (двое). Эта женщина говорила, что создателю стиральной машины и газовой печки надо поставить памятники.

Всякий раз, как потянет рассказывать или слушать сказки про райскую жизнь в старой деревне, вспомните это

Крестьянский быт – это неграмотность или в лучшем случае полуграмотность. Это вера в домового и овинника, самые дикие предрассудки, первобытные нравы. Это деготь на воротах «нечестной» невесты и утопление ведьм в проруби.

Но – жили, жили себе мужики... 10 тысяч крестьян с сохой кормили 1-2 тысячи «городских». Плохо кормили, потому что у самих деревянной то сохой нарабатывали не так много. Крестьянские народы – всегда голодноватые народы. Происхожу я не из самых обездоленных людей – из верхушки старой интеллигенции, но в детстве меня учили не бросать на землю хлеб, доедать все на тарелке. Потому что «Хлеб – это великий труд», и его надо уважать.

Деревня сокращалась в числе из-за интенсификации хозяйства и благодаря подвозу продовольствия из колоний.

А в конце XIX века проклятый разрушитель патриархальщины, Генри Форд, придумал трактор. Парадокс истории, один из многих: Генри Форд был законченным антисемитом. Убежденным, идейным. Сторонником Гитлера, врагом банков и университетов. Но больше всего на свете именно Генри Форд сделал то, в чем почвенники традиционно обвиняют евреев. Никто больше Генри Форда не сделал для того, чтобы уничтожить деревню: он создал автомобильную промышленность.

Трактор сделал не нужным пахоту на лошади 10 тысяч человек. В деревне осталось 2-3 тысячи работников. Трактора и комбайны становятся все мощнее и мощнее. Осталось 1 тысяча механизаторов...потом 300-500... Теперь – 100. Доильные аппараты сделали не нужным встречать деревенское стадо. Вместо 10 тысяч хозяек, каждый вечер доящих коров – сперва тысяча... потом и 100 доярок. Сегодня – от силы 20.

Тут вступили в дело еще большие враги крестьянства – ученые. В 1900 году урожайность пшеницы составляла 8-10 ц/га. Картофеля – 3-4 тонны с гектара. 10 тысяч жили разбросанно, земли им требовалось много. А в редкие, мало населенные города везли не так много продукции – хватало и лошадей. Деревни расплозились по земле.

Дмитрий Николаевич спрашивает – как на Руси заселили пространства, обезлюдившие после монголов? Я отвечаю: после монголов люди опять заселили пространства, потому что земли нужно было много, а вывозить урожай – не обязательно. Не то что в XIII-XIV веках – уже в XIX веке у Некрасова главный злодей и враг крестьян – это немец, который построил в их деревню дорогу. Как построил – кончилась изоляция.

Крестьяне и чиновников недолюбливали, особенно сборщиков налогов. А когда по Руси шастают баскаки, забиться в глушь — милое дело. И как можно меньше дорог. Исчезла опасность — заселили все, что только можно.

Отбили Причерноморье у крымских работорговцев и разбойников — тут же освоили Дикое Поле. А в том же XVIII веке под пашней и огородами было 85% земли в Московской области. Земли не хватало всегда — потому и пахали ее только что не на Таймыре — везде, где может вырасти хлеб.

Но ужасные ученые и агрономы сделали не нужным такое количество пахотной земли. В 2020 году урожайность пшеницы в России достигла 20 ц/га — как в Португалии. В большинстве стран — от 30 ц/га (Македония) до 75 ц/га (Британия). Земли нужно не много, а урожаи огромные. Немногочисленным селянам приходится везти нужно и тяжело, без автомобиля не справиться. Экономически выгодно жить как можно ближе к городам.

Городская цивилизация сделала так, что в 2021 году 300-500 человек вполне успешно кормят те самые 10-12 тысяч, которых в 1900 кормили те самые 10 тысяч. И стараются эти самые 300-500 жить поближе к городам — к потребителю. И сами стали горожанами по своей психологии и поведению

Мало известный факт: в современной Британии вы не имеете права заниматься сельским хозяйством, не получив специального образования. Купить землю сельхозназначения — пожалуйста. Но вести на ней хозяйство вы не смеете. Крестьяне? Нет...предприниматели и специалисты.

Мир городов и деревень превратился в мир агломераций. В мир, где живут в громадных городах, ностальгируя по деревням.

Трагедия? Не уверен... Люди то никуда не исчезли. Вот они — сконцентрировались в агломерациях, на 5-10% территории страны.

В чем Верхотуров прав полностью — 90% территории России оказалась экономически не нужной. Обезлюдела. И это рождает эмоции.

Кое-что об эмоциях

В 2018 делегация петербургских писателей ездила в Смоленскую область, — там отмечали очередную годовщину рождения Айзека Азимова. Шумячский район, село Шумячи — аж 3 600 человек. В 1989 жило 5.5 тысячи.

Не такая и глушь — 145 км к югу от Смоленска, в 5 км — железнодорожная станция Понятовка. Как мрачно шутят местные — «даже поезда ходят».

Айзек Азимов родился в селе Петровицы, в 21 км от Шумяч. В 1920 году в ремесленном селе Петровицы жило больше тысячи человек. Сейчас — около 200, все возрастом «за 50». Еще жива была женщина, помнившая 2-х летнего Айзека Азимова, ходившего в ясли. «Оська что? Писатель большой? Не может быть! Он вечно с голой ж-пой бегал!».

Знаменитый в нашем мире писатель родился в богатом селе, посреди жизнеспособного сельскохозяйственного района. До того, как трактор убил деревянную соху. а заводы убили ремесло. Вот такое недавнее дело. Сейчас в Петровицах ясли и фельдшерский пункт уже закрыли, школу закрывают. Но это что! Петровицы и Шумячи — это еще почти столица...

У одного человека из нашей Петербургской делегации мама родилась в одной из деревень Шумячского района. В 1952 году мама Саши окончила школу и уехала учиться в Петербург. Естественно, человек хотел бы побывать в местах, к которым питает сентиментальные чувства. Местные охотно организовали нам эту поездку.

Сорок километров в «пазике» по чудовищно разбитой дороге. Как в бурном море - вверх... вниз...кренимся на правый бок...потом на левый... Машина скрипит, словно вот-вот, прямо под нами, развалится.

— Это еще ничего! — «Утешают» нас. — Дождей давно не было, проедем. После дождей тут разве на тракторе...

Вокруг — молодой лесок, на месте заброшенных полей и лугов. Временами в леске — бетонные и кирпичные развалины — руины коровников, силосных башен, овчарен. Остановились в месте, где от нашего жуткого проселка уходит в лесок еле заметная тропка...

Что мы уже в деревне, стало не сразу заметно: часть домов почти развалилась, околицы заросли тем же молодым лесом. Разбитый неровный проселок – бывшая улица. Дома в разной степени разрушения.

В 1800 году здесь жило 400 человек. В 1989 – тоже 400. В 2018 – 14 стариков, которым попросту некуда уходить. У них странные взгляды – так верно описанные Дмитрием Николаевичем. Не понятно, люди это или какие-то совсем иные существа. Вроде и не мертвецы... Но и не нашего мира. Такие странноватые взгляды – и у жителей деревни Топи в сериале.

Похожие взгляды я ловил на себе от бродячих эвенков, почти круглый год живших в тайге, семьей по 2-5 человек. У кочевников, почти позабывших об остальном человечестве, коснеющих в зверином одиночестве. Интересный момент – собак нет. Всего 1 (одна) кошка в одном доме. Живут парами или в полном одиночестве. Ждут смерти? А умрут – так и будут неделями лежать в своих полуразрушенных домах – хоронить некому.

Мама Саши окончила школу, которая позволила ей поступить в институт в Ленинграде. Теперь в деревне не только школы – электричества нет. Газа нет. Отопления нет. Никакой инфраструктуры нет. Последние оставшиеся живут благотворительностью ушедших: даже пенсию им привозят, как и продукты. Если зарядят дожди или в многоснежную зиму – с этим большие перерывы.

Иду по сельской «улице». То ли по кладбищу, то ли по развалинам. Как в фильме ужасов, повествующих о ядерном Апокалипсисе. Как в рассказах Киплинга о заброшенных индусских городах.

Напряжение. Ощущение недоброго взгляда в спину. Присутствия чего-то разумного – но не человека. Даже не хищного или враждебного, а такого... чужого. Кто-то, никак не расположенный к человеку, неодобрительно вглядывается в чужака – пес с ним, пропустить, или выбрать момент, взять за глотку?

Конец апреля, первые листочки и травка, пряный весенний воздух...И «вековая» тишина. Как в лесу. Странно звучат мои собственные шаги по дороге. Невольно стараюсь идти тише.

Огромное заросшее кладбище – «город мертвых», куда больше сохранившейся части деревни. Отдельные могилки, на которых недавно побывали – приехали потомки из Шумяч, Смоленска и Москвы. Иду к ним через сухой бурьян и молодую крапиву по пояс; все время спотыкаюсь, стараясь не думать, что за холмики и деревяшки под ногами. Невольно вздрагиваю от стука: порыв ветра ударил жестяным венком по деревянной оградке.

Появляется еще странный звук. Какое-то время просто не верю своим ушам: волчий вой. 14 часов дня, ясный солнечный свет заливают бронзовые стволы сосен. Волк не охотится. Воет самец – или общается с себе подобным, с подругой. Или услышал нашу машину, обозначает присутствие: «это моя территория».

Приятно вернуться к людям, с которыми приехал, положить руку на теплый борт машины. Вернуться в жизнь из параллельного мира.

Такие путешествия и правда производят сильное впечатление. Вплоть до желания поставить памятный знак при въезде. Поставить и написать: «Здесь была Россия». При первых князьях Московских – была. При Наполеоне – была. Теперь ее нет и не будет – если и придут в деревню люди, это будут уже совершенно другие люди.

Поколения сменились

Дмитрий Николаевич прав и в другом: приходит поколение, которое уже не видело деревни. В 1970-е – 1980-е появились писатели – деревенщики – старики, писавшие о стариках. Солоухин писал о деревне 1920-х, которые помнил маленьким мальчиком. Белов упивался картинами деревенского «лада», о котором ему рассказывали бабушки и дедушки. Астафьев жил в благоустроенном доме в родной Овсянке – но имел и городскую квартиру.

Кстати, вот и еще одно преимущество городской цивилизации: она позволяет наводить на себя критику. Астафьев всю жизнь ее поносил, как только мог. В каждом его рассказе красной чертой основная идея: ангелоподобные жители села и омерзительные горожане. А его печатали! А его слушали!

Те 10 тысяч с сохой и вековыми обычаями не особенно церемонились со своими критиканами и болтунами. На деревенской сходке недолго бы ругался Астафьев на нравы деревни – его бы просто поколотили, а могли бы вообще выгнать прочь, поджигая дом и ограбив до нитки. А что? Прецеденты бывали.

Поколения, родившиеся в 1920-1930-е, еще помнили деревню 10 тысяч, кормивших 1-2 тысячи городских.

Мое поколение помнило деревню 2-3 тысяч, кормивших 8-9 тысяч. Помню свои детские книжки, в которых Маша летом ехала «в деревню к бабушке», и там начинались ее приключения. В 1940 году городское население составляло 33.3%. Две трети родившихся в 1950-е, в 1960-е еще имели если не деревенских мам, то уж точно деревенских бабушек.

Они могли вдоволь рассказывать, как хорошо в деревне – свежий воздух, речка, неторопливая жизнь, лес с грибами, коровки и курочки... Но к 1 сентября они уезжали в города, где речки и леса не было – но было центральное отопление, школа, транспорт, медицина... Словом – жизнь.

Число людей с деревенскими бабушками сокращалось все 1980-е, почти исчезло среди родившихся в 1990-е – за исчезновением деревни. Всё. Урбанизация закончилась.

Ах, до чего же прав Верхотуров – восприятие деревни изменилось до полной неузнаваемости.

Меня в 1960-е годы еще воспитывали в представлении, что «в селе люди лучше», что деревня несет в себе высокую нравственность и более высокий уровень человечности. Что «они больше похожи на нас», чем рабочие и городские низы.

Это была психология немногочисленного образованного слоя, окруженного миллионами деревенских жителей, уважавших их и умевших с ними ладить. Психология, адекватная ситуации еще 1940-х – 1950-х.

Даже искусственно поддерживаемая деревня 1970-х оставляла ощущение какой-то силы традиций, исторической памяти. Горожан уже было во много раз больше чем сельских жителей. Сельские жители уже не были патриархальными крестьянами – по своей психологии и поведению сельчане, родившиеся в те же 1950-е, мало отличались от городских. Но жила историческая память о временах, когда «деревни окружали города». Когда в деревнях жило 80-90% населения, когда крестьяне несли в себе национальную мораль и народные представления о мире.

Многолюдная деревня даже 1980-х была чем-то интересным, имеющим некие преимущества перед городом.

Опустевшая деревня 2010-х – мрачное заброшенное место, вызывающее непонимание и страх.

Деревня – часть чужого пространства

Конечно, безлюдные или малонаселенные пространства есть везде, были всегда. Древние Греки разделяли Ойкумену, населенную людьми, и области Хаоса, которые «насеяли» разного рода чудовища, дикие племена и разбойники.

Так же точно делили пространства и более поздние народы. Немецкий готический роман XIX века о жутких тайнах заброшенных мест прямо родился из точно такого же ощущения. Классическая завязка сюжета: приезжает наследник из университетского города в заброшенный замок или уединенный дом предков... И начинается...

«Собака Баскервилей» и «Ужас расщелины Голубого Джона» рождена точно таким же отношением к удаленным, мало населенным местам: пес его знает, что в них можно обнаружить? В местах, откуда люди почти ушли?

Уж где-где, в России неведомых мест хватало. Громадный пласт приключенческой литературы с XIX века до 1960-х годов, в которой герои находят и живых мамонтов в Сибири, и живущие вне цивилизации племена, и только что не инопланетян. Но есть огромное различие между «безлюдными пространствами вообще» и превращением в неведомые земли территории собственно России. Сегодня Terra incognita начинается в 200 км от Московской и в 150 от Санкт-Петербургской агломераций. Она включает себя места, где вполне благополучно жили деды 66%, пра-прадеды 80% современных россиян.

Плохое и хорошее

Мы живем не в мире «пяти великих держав» и не в мире «двух сверхдержав». Мы живем в мире 600 городов, связанных коммуникациями. А остальная земля – пустующее заброшенное место.

Во всем плохом есть и свое хорошее: опустевшая земля наполняется почти исчезнувшими было животными. За последние 30 лет в России зверья стало так много, что охота стала реальным экономическим подспорьем.

В Европе земли поменьше, но и в Арденнах появились косули, медведи и олени. Не боятся людей; косули в морозные зимы заходят в дома. В горах Гарца нахальный лось регулярно выходит на трассу, шугает вздумавших остановиться. В Шотландии кабаны сделали бедствием – расплодившись, пожирают урожай кабачков и капусты. А стрелять их можно не всегда. Получив разрешение на отстрел, жители маленьких городов создают своего рода ополчение – мужчины с оружием в руках идут на стада обнаглевших диких хрюшек. Кабанья охота – в числе опасных; потери есть не только в рядах кабанов.

Но – опять прав Верхотуров!

Что делать?

Извечные российские вопросы: кто виноват и что делать? Виноват на мой взгляд, решительно никто, но в России особенно остро стоит вопрос – что нам делать с почти безлюдными пространствами? У нас ведь это сотни километров пространства «почти без людей». И в Европейской России тоже!

В Сибири я не раз бывал в местах, из которых до ближайшего человека в одну сторону идти километров 150, в другую – все 200 или 300. Но вот недавно стоял под Малой Вишерой, – 200 км от Петербурга, железнодорожная станция. Компетентный человек объяснял – отсюда до Великого Новгорода – 60 км «без человека». В другую сторону – все 200 км, без людей. Деревни, показанные на картах, заброшены. И что там делается, на этих километрах – Бог весть.

Не стоит принимать всерьез идеи «вернуться в деревню». Вернемся только в случае ядерной войны, экологического коллапса, после которого вся экономика встанет, придется опять пахать на лошади.

В любом другом варианте – не вернемся.

Как можно использовать эти места? Кто может населять такие области?

Во-первых, временные обитатели поселков, где ведется разработка полезных ископаемых или каких-то точечных ресурсов. Сам объект поселок, ЛЭП, дорога. А вокруг – прежнее безлюдье.

Во-вторых, это охотники и рыболовы. Построить в глуши базу, куда добираться можно только вертолетом или конными – почему нет? Или по чудовищной дороге со скоростью 20-30 км/ час, на вездеходе? Есть люди, которые охотно проведут в таком месте пару недель, в разное время года. В октябре – на лося с манком, или с собаками, с декабря – медведь на берлоге, в феврале – опять лось с подхода, а на волка и кабана – круглый год. Да и просто поехать с семьей, на сбор грибов и ягод. Показать детям их землю.

Но и то, и другое – вариант жизни горожан, пришедших не на свою территорию. Первые скорее всего почувствуют себя людьми ради заработка вынужденные жить в режиме осажденной крепости. Как пел Высоцкий: «Без вин, без курева, житься культурного... За что забрал, начальник, отпусти».

Вторые – элитой, которая пользуется тем, что есть далеко не у всех. Во всем мире весьма престижно есть натуральные продукты, заниматься охотой, знать растения и животных своего Отечества, путешествовать по диким местам.

Занятия эти предполагают и некоторые материальные вложения, и наличие свободного времени, и некие культурные ценности. Британцы давно считают, что для низшего класса типичны примитивные, в основном пассивные развлечения: телевизор, цирк, кабаки. А для верхушки среднего класса и высшего – активные виды

спорта, путешествия, чтение, походы вглубь страны – в горы, или плавания на яхтах.

Разумеется, возможна и государственная политика – вовлечение в походы, в активный отдых как можно большего числа людей. Так в СССР эпохи Сталина и в Третьем Рейхе школьники ходили походами, причем в Третьем Рейхе в программу походов вписывалось и культурная программа: узнавать исторические места, ландшафты и памятники природы Германии. Знаменитый Экстерштайн за 1934-1942 годы посетило несколько миллионов старшеклассников.

Входила в программу походов и помощь крестьянам – школьники собирали яблоки, задавали корм свиньям, пасли гусей и так далее: познавали сельское хозяйство своей страны.

До Катаклизма 1991 года в СССР работали кружки юных археологов, биологов и геологов. Буквально миллионы детей вовлекали в активный туризм.

Ничего нельзя сказать скверного о любых формах элитного образования. Но ведь любое про массовости туристское движение – это часть образования горожанина. Он живет в городской агломерации. Очень похвально, если мальчик в состоянии пройти за день 30 км под рюкзаком, разбить палатку, разжечь костер. Если взрослые дядя или тётя не боятся крупного зверя, при необходимости могут его застрелить и освежевать, поймать рыбу. Если достаточно большой процент народа считает, что отдых в природе «лучше» торчания перед телевизором и промывания глотки водкой, это говорит о душевном здоровье нации.

Но ведь и это – играшка горожан, обитателей агломераций. И любые «приезжие» в любой момент могут оказаться в положении героев «Топей». Это – не постоянные жители, как и жители вахтенных поселков.

Новые народы новых-старых земель

Постоянными жителями опустевших земель могут стать разве что разного рода сектанты. Любители «уйти от цивилизации» известны с момента появления этой самой цивилизации. Уйти и для того, чтобы построить некую альтернативную цивилизацию. Так в 1960- начале 1970-х в США развилось движение «альтернативщиков», желавших пользоваться только возобновляемыми видами энергии.

Или толстовцы, желавшие жить «простой жизнью», «вместе с природой». До сих пор сектанты неизменно возвращались – «оказывалось», что альтернативных источников энергии не хватает, а «простая жизнь» хороша до первого серьезного заболевания или до необходимости дать образование детям.

Но если люди готовы последовательно отказаться от цивилизованной жизни? Тогда – почему бы и нет.

Этнографические группы людей, которые предпочитают жить вне цивилизации, хорошо известны и в США, и в России. В этом это ношении много общего у реднеков южных штатов и постоянных жителей Ставрополя и Кубани. А что? Занимаются сельским хозяйством – само слово реднеки – красношеее – происходит от специфического «загара тракториста», работающего в легкой рубашке, подставляя южному солнышку заднюю часть шеи.

Реднеки порой гордятся тем, что они – реднеки. Ездят на старых вездеходах, живут в селах или уединенных фермах, хвастаются тем, что не получили образования и блюдут народные обычаи. Они маниакально трудолюбивы, консервативны, преданы семье и друзьям, туповаты и ограничены. Не любят негров, евреев, профессоров и либералов. Считают ошибкой победу Северных штатов в Гражданской войне 1861-1865 годов, чтут генералов Юга. В общем, хранят все и лучшие, и худшие черты переселенцев-фермеров.

От цивилизации они не отказываются, но живут на ее обочине, а в мейстрим совершенно не стремятся.

Хилбилли еще экзотичнее и «хуже». Обитают они в Аппалачах, потомки фермеров и горных разработчиков. Любят горы, природу и песни. Создатели направления «кантри», которое ценят и реднеки. Зарабатывать деньги и вообще заниматься «крысиными гонками» считают ниже своего достоинства.

Мне рассказывали русские ребята, в 2006 году поехавшие из Бостона в Нью-Йорк – «посмотреть на бичей с Брайтона», и на «пейсатых». По дороге через Аппалачи встретился им городок... второй... И ни одного человека на улицах, даже в кафешках и на бензоколонках. В третьем пустом городке ребята всерьез забеспокоились. Настолько, что нарушили американские обычаи и правила, даже законы: без спросу вошли в частный дом. Тут они и нашли хилбилли, целую семью: все, включая подростков, валялись пьяные в дупель.

Оказалось, все просто: во вторник жители городка получают пособие по безработице. А в среду приходит

цистерна с кукурузным самогоном... Дальше, полагаю, все понятно.

Хилбилли тоже формально не рвут с цивилизацией, но если придется пахать на лошади, тоже не слишком огорчатся. Петь песни им нравится больше, чем зарабатывать деньги.

Еще экзотичнее живущие в болотах штата Луизиана каджуны – потомки французов и испанцев, к тому же изрядно смешавшиеся с неграми. Говорят они на франко-испанском жаргоне, заставляющем рыдать филологов, английский считают языком варваров, а Соединенные Штаты – оккупационным режимом. Правда, с США они не воюют, но всячески уклоняются от общественной и государственной жизни. Не служат в армии, не принимают никаких должностей, не хранят денег в банках и не признают документов.

Протестанты – амиши, ветвь меннонитов, тоже не хранят в банках денег, и тоже не имеют никаких документов. Не ездят на машинах, только на лошадях, не смотрят телевизора, не имеют компьютеров, не служат в армии, не общаются с властями. У них есть восьмилетние школы, после которых подростку предлагают или стать членом общины, или навсегда уйти из нее.

Они вступают в брак только с единоверцами, реже с меннонитами, из-за чего образуют генетически закрытую человеческую популяцию. А рождений у них 7-8 на семью.

С 1992 по 2017 год население США выросло на 23%, а число амишей – на 149%.

Работают руками, ценят сельскую жизнь, скромность и простоту, семейно-дружеский круг

Все эти люди – американцы, но они вполне могут начать некую «параллельную» жизнь на просторах, которые оставили все остальные.

В России тоже есть такие группы – хотя бы старообрядцы. Скажем, семейские в Забайкалье, живущие практически изолированно до нашего времени. Как и русскоустыинцы, кержаки, гураны, макконы... Общее число старообрядцев назвать трудно, но знающие люди сообщали – не меньше «двухсот тысяч человек». Много даже для огромной России.

Стали жить фактически изолированно немало людей в Чечне и в Дагестане.

Для всех этих субэтнотетов – и в США, и в России, «пустые земли» довольно привлекательны.

Тем более, появляются все новые сектанты – самые известные, действительно, община беглого мента Сереги, он же «реинкарнация Христа» – Виссарион.

Появляются и политические диссиденты. На западе – хотя бы «белое арийское сопротивление», – пока что им просто некуда уходить, но ведь и протестанты в XVII-XVIII веках не могли убежать в самой Англии – почему и потянулись в Америку.

В России это различные группы неоязычников. Некоторые уже сегодня пробуют создать свои общины и поселения, порой вполне жизнеспособные.

Далеко не все уходят из умирающих деревень. Но если жизнеспособная популяция, хотя бы несколько десятков или сотен человек, не уйдет в агломерации, она вскоре делается особой этнографической группой – со своим жаргончиком, нравами, представлениями о жизни, материальной культурой. Особенно смешиваясь с религиозными или политическими диссидентами.

В общем, в пустом материке России найдется, кому поселиться, и уж тем более – где. Этих людей рано или поздно начнут изучать этнографы, они вполне могут утратить вообще всякую связь с остальным населением страны.

В XVIII веке две деревни на Урале вполне серьезно принимали в состав Российской империи: три поколения крестьяне жили вне любых контактов с остальным человечеством. В 1950-е отыскивались роды юкагиров, которые даже не слышали о существовании русских.

Не раз слышал рассказы о русских деревнях, навсегда затерявшихся в тайге. Лыковы – очень плохой пример, – одна семья в тайге, в отрыве от других людей – неизменно деградирует. Ну, а если популяция в 100-150 разнополых людей, со скотом и традициями земледелия? Эти имеют шансы выжить, заложив основы новой цивилизации. Говорящей на какой-то из версий русского языка, – но не русской этнически. И не преемственной. Австралийцы и новозеландцы – не англичане. Как и хиллбилли не американцы. Гураны и

семейские – не русские.

Опять о «Топях»

Неоязычник «брахман Вася» в компании с «суфием Генкой» и «жрецом Колей» могут основать некую «альтернативную цивилизацию» – даже с пахотой на лошадях и курными избами – не продолжатели России.

Что для них русская деревня – те же Топи? Некое поселение «тех, кто жил здесь до нас». Как для русских в Сибири – городища и курганы прежних народов. Как для американских поселенцев – индейские древности.

Кстати, существует обширный пласт американского народного фольклора о всяких нехороших, в том числе колдовских, делах в индейских заброшенных селениях. И страх русских перед финскими колдунами – тому порукой.

Только ведь у молодых русских – тоже отстраненность и страх.

Тот, кому сейчас хотя бы 50-60, приходит в умирающую или умершую деревню, храня память, личный опыт ДРУГОГО бытия деревни. Тот, кому меньше 40, такого опыта уже не имеет.

Наверное, единственный выход – все же пропаганда, просвещение. Но деревня умерла, и если даже состоится повторное освоение русского пространства «топей» – придут уже совсем другие люди.

Автор: Андрей Буровский © Babr24 КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 45317 18.02.2021, 11:55 📌 1213

URL: <https://babr24.com/?ADE=210620> Bytes: 31700 / 31520 Версия для печати Скачать PDF

👍 Пореккомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читай те эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Андрей Буровский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)